

Марина Васильевна Пименова

Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

К вопросу о методах изучения исторической семантики слова

Ключевые слова: методы, диахрония, текстология, корнесловы, синкретизм
Key words: methods, diakhroniya, textual criticism, korneslovy, syncretism

Summary

The article is devoted to research methods of historical semantics, including the author emphasizes, first, textual method, involving comparison genetically identical to the original context and translated monuments, editorial and lists that belong to different time periods, which allows you to set the historical patterns of change in the text general and in particular lexical items (on the whole – a part of it), and secondly, korneslovny method, which is a description of the semantics of the analyzed words on the combined total root *mezhhasterechnym* groups, whose goal is the explication of the semantic development of the etymon, which reflects the change in the lexical semantic system as a whole (in part – to a whole).

Следует отметить, что при изучении исторической семантики слова большинство синхронных лексико-семантических методов «не срабатывает» [Смолина 1990: 19–21], поэтому для осуществления задач нашего исследования, посвященного изучению выражения значения эстетической оценки в древнерусском тексте [Пименова 2007], применялись специальные диахронические методы, имплицитно использующиеся в работах историков языка. Задачей данной статьи является описание (экспликация) методов, условно называемых нами **текстологический и корнесловный**.

Первый метод – **текстологический** – основан на данных текстологии – филологической науки, изучающей историю текста отдельного памятника [Лихачев 1983: 8–57, 549–572]. Этот метод применяется при диахроническом анализе как неосознанная модификация классического *сравнительно-исторического*

метода (Ф. Бопп, А.Ф. Востоков, Я. Grimm, Й. Добровский, Е. Курилович, А. Мейе, Р. Раск, Ф. де Соссюр, Ф.Ф. Фортунатов, А. Шлейхер и др.) [Бородина, Гак 1979: 34, 92, 177–219; Тарланов 1995: 115–153; Васильев 1997: 10–20] и предполагает сравнение/сопоставление генетически идентичных контекстов в оригинальных/переводных памятниках, редакциях и списках, принадлежащих к различным временным периодам, что позволяет установить исторические закономерности изменения («составные элементы движения во времени» – Д.С. Лихачев) текста в целом и лексических единиц в частности (*от целого – к части*).

Приведем примеры текстологического анализа лексико-семантических единиц – *синкретем* (минимальных устойчивых единиц древнерусского текста, обладающих *синкретичным* (нерасчлененным) значением и эквивалентных по структуре *словосочетанию*), *формул* (единиц, обладающих *синкретичным* значением и эквивалентных по структуре *предложению*), *словесных рядов* (функционально-семантических единиц текста, эквивалентных по структуре *сверхфразовому единству* – на нашем материале – *описанию*).

Синкретема *свѣте очию моею* «...представляет собой буквальный перевод греческого *φῶς ὀφθαλμῶν μου* – ‘свет очей моих’» [Адрианова-Перетц 1947: 163; Колесов 1989: 55] и является традиционным в русской литературе обращением к оплакиваемому. Данная синкретема употребляется, например, в тексте монолога-плача узнавшего о смерти отца Бориса («Сказание о Борисе и Глебе»): «*Увы мнѣ, свѣте очию моею, сияние и заре лица моего*» [Сказ. Бор. Гл.: 280; Срезн. 3: 296; СлРЯ 23: 136]; в плаче Ингваря Ингваревича (воинская редакция первого вида «Повести о разорении Рязани Батыем»): «*Свете очию моею, где отошли естя сокровище животу моему?*» [Пов. Зараз.: 386], причем в семантике данного оборота синкретично объединяются все компоненты оценочной структуры: субъект оценки (лицо, выражающее оценку), предмет оценки (объект, которому приписывается ценность), основание оценки (точка зрения, с которой производится оценивание), характер оценки, определяющийся выбором эстетически мелиоративного средства оценки.

Использование анализируемой синкретемы в древнерусских текстах демонстрирует процесс сужения и конкретизации синкретичного значения.

Так, например, в плаче Евдокии из «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» сужение синкретичного значения осуществляется при помощи включения в устойчивую синкретему предлога *от*, а также добавления вопросительного наречия *како* (‘как, каким образом’) и глагола *заиде* (в значении ‘скрыться, погаснуть’): «*Како заиде свѣт от очию моею!*» – «Померк свет в очах моих» (перевод М.А. Салминой) [Жит. Дм. Донск.: 218–219; СлДРЯ 3: 306; 4: 190]. В.П. Адрианова-Перетц сопоставляет этот контекст с канонем Симеона Логофета «О плаче пресвятой богородицы»: «*заиде от очию ми, свете очию моею*», а также с текстом плача церкви пермской из «Жития Стефана Пермского» Епифания Премудрого: «*свете очию моею, камо заиде*» [Адрианова-Перетц 1947: 80].

В списках основной редакции А плача Ингваря Ингваревича, который, по мнению исследователей, представляет собой более позднюю вставку (нач. XV в.) в «Повесть о разорении Рязани Батыем» (XIII в.) и является «буквальным сколком» плача Евдокии [Комарович 1945: 84], конкретизация синкретичного значения происходит в результате компрессии (в данной синкретеме выпущено стержневое существительное *свет*): «**И камо заидесте очию / ото очию / от очию моею, и где отошли есте сокровища живота моего?**» – «И куда скрылись вы из очей моих...» (перевод Д.С. Лихачева) [Пов. Зараз.: 297].

В остальных редакциях и списках «Повести о разорении Рязани Батыем» наблюдается дальнейшее расчленение первоначального синкретичного значения путем различных изменений анализируемой синкретемы. Например, путем варьирования (в основной редакции Б первого вида наблюдается лексическое варьирование вопросительных наречий и словообразовательное варьирование глагольных форм: «**Како заиде свет очию моею?**»), а также путем увеличения протяженности текста (в дополненной редакции и в пространной редакции «Сказания» в синкретему включается предлог *от*: «**И како заиде свет от очию моею?**»; в основной редакции Б второго вида к стержневому компоненту добавляется определение *драгии* и притяжательное местоимение *мои*: «**Свете мои драгии от очию моею**») [Пов. Зараз.: 317, 339, 376]. В списке из собрания Погодина основной редакции Б первого вида существительное *свет* заменяется членным прилагательным *святая*, в результате чего происходит искажение смысла первоначальной формулы: «**Како заиде святая от очию моею**» [Пов. Зараз.: 317].

Окончательное расчленение синкретичного значения (при помощи троекратного повторения различных вариантов синкретемы) происходит в пространной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем»:

Увы мне, возлюбленная моя братия, (1) **како заиде свет очию моею**, или како разлучихся от вас: не вемы почто мене единого оставите в погибели сей и почто аз не умре с вами въкупе, дабы и аз с вами равно венчан был. (2) **Камо заидесте свете очес моих**, почто не проглаголете ко мне, сокровище живота моего .. Кому мя оставили есте, или кто попечется мною! (3) **Заиде бо красный свете от очию моею** [Пов. Зараз.: 405].

В первом риторическом вопросе (*како*) вопрошается о способе исчезновения объекта оценки из поля действия субъекта, во втором (*камо*) – о местонахождении объекта оценки, а в третьей утвердительной синкретеме констатируется объективная ценность эстетически мелиоративного объекта (**красный свет**).

В первой редакции текста «Моления Даниила Заточника» оборот *свете очию моею* употребляется в первоначальном виде, однако в ином ситуационном контексте: не в обращении к оплакиваемому, к умершему, а в обращении «злой жены» к своему супругу: «**И рече мужу своему: господине**

мои и свѣтѣ / свѣтъ очию моею» [Молен. Дан. Заточн.: 396; МДЗ: 177]. Во второй редакции данный оборот включается еще в один ситуационный контекст, подвергаясь незначительному, на первый взгляд, изменению (притяжательное местоимение первого лица заменяется притяжательным местоимением второго лица), в результате чего приобретает значение 'находиться в опале': «*Тако азъ хожю во тмѣ, отлучень день и ночь свѣта очию твоею*» [МДЗ: 133].

В тексте плача Сююн-Бике из «Казанской истории» осуществляется, как отмечают исследователи, абсолютная конкретизация синкретичного значения, при которой эксплицируются и объект оценки (*драгий мой животъ*), и субъект оценки (*от очию моею*), и основание оценки (*красота твоя*), и местонахождение объекта оценки (*под темную землю*) и под., в связи с чем окончательно разрушается исходная синкретема: «*Увы мнѣ, драгий мой животъ, почто рано зайде красота твоя от очию моею под темную землю*» [Казан. ист. : 414; Адрианова-Перетц 1947: 168–169; Колесов 1989: 59].

В **формуле**, восходящая к одной из притч Соломона («О добрых женах» XXXI, 10) и содержащейся в приписываемых Иоанну Златоусту «**Словах о добрых и о злых женах**», моральные качества оцениваются при помощи сопоставления их стоимости со стоимостью эстетически совершенных объектов. Ср.:

(притча Соломона) Кто найдет добродетельную жену? **Цена ее выше жемчугов** [Притч.: 596] – (Слово о добрых и о злых женах) Якоже ннсть иныя злобы горши злыя жены, такоже и добрыя жены ннсть къ чему приложити, – **дражайши бо есть (1) камня драгаго и (2) бисера многоцѣннаго** [Сл. жен.: 121].

При сопоставлении приведенных формул выявляются изменения в древнерусском тексте, связанные с варьированием на лексико-семантическом уровне (*жемчуг/бисер; цена выше/дражайши*), а также с увеличением протяженности формулы путем включения оценочного прилагательного (*многоцѣннаго*) и целой синкретемы, имеющей значение гиперонима (*каменя драгаго*).

В статье 980 г. «Повести временных лет», в которой перелагаются «Притчи Соломоновы», происходит компрессия, сопровождающаяся контаминацией, то есть объединением («наложением») словоформ и значений двух синкретем, в результате чего в пределах одного субстантивного сочетания оказывается существительное из одной синкретемы (*каменя драгаго*) и прилагательное из другой синкретемы (*бисера многоцѣннаго*) предыдущей формулы (*каменья многоцѣнна*), кроме того, присутствует лексико-словообразовательное варьирование формы сравнительной степени прилагательного *драгыи* по различным спискам:

Се же рече Соломанъ о прелюбодницах, а о добрыхъ женахъ рече: «**Дрожайши / драгыши / дражьши** есть каменья многоцѣнна...» [ПСРЛ 1: 80; 2: 68].

Сокращенный и контаминированный вариант формулы повторяется в 20 главе «Домостроя»: «*Аще даруетъ богъ жену добру, дражайшии есть камени многоцѣннаго...*» [Домостр.: 90], а также в тексте «Слова о женах о добрых и о злых» из сборника XV в. Ефросина, в котором на лексическом уровне изменяется форма сравнительной степени прилагательного (*дражайшии* – ‘дорогой, драгоценный’ – заменяется формой *честнѣишии* – ‘высоко ценимый, ценный дорогой, драгоценный’). Ср.: «*Жену добру аще кто обрящет, честнѣишии есть камения многоцѣннаго...*» [Сл. жен. добр. злых: 383].

Выражающий эстетическую оценку **словесный ряд описания** выделен в особую «О Борисѣ, какъ бѣ възъръмъ» в основной редакции жития «Сказания о Борисе и Глебе»:

Тѣльмъ бяше красенъ, высокъ, лицъмъ круглъмъ, плечи велицѣ, тѣнькѣ въ чресла, очима добраама, весель лицъмъ, рода мала и усъ младъ бо бѣ еще, свѣтятся цесарьскы, крѣпкѣ тѣльмъ, всьячьскы украшенъ акы цвѣтъ цвѣтныи въ уности своеи, в ратьхъ хрѣбъръ, въ свѣтѣхъ мудръ и разумъ при всѣмъ и благодать бо жия цвѣташе на немъ [Сказ. Бор. Гл. 302].

Необходимо обратить внимание на то, что в данном словесном ряду два компонента портрета характеризуются дважды, причем как тенденцию можно отметить восходящее к библейским псалмам построение синкретем по принципу «зеркальной симметрии» [Лихачев 1971: 185], то есть прогрессивное/регрессивное расположение единиц внутри синкретемы. Ср.: *тѣльмъ бяше красенъ ... крѣпкѣ тѣльмъ; лицъмъ круглъмъ ... весель лицъмъ*.

В более поздних редакциях и списках наблюдаются изменения исходных «симметричных» синкретем, приводящие к нивелировке значения эстетической оценки. Так, например, в юго-западной редакции выпущена синкретема *крѣпкѣ тѣломъ*, а в синкретеме *весель лицъмъ* заменено существительное (*весель умомъ*), в результате чего в словесный ряд эстетической оценки включается синкретема интеллектуальной оценки; в северо-западной редакции компрессии подвергаются уже две «симметричные» синкретемы (*крѣпкѣ тѣльмъ, весель лицъмъ*), а вместо синкретемы *тѣломъ бяше красенъ* используется другая устойчивая единица – *взоромъ свѣтель*; в краткой редакции в списке Сильвестровского сборника 2-ой половины XIV в. наблюдается ошибочное изменение исходных синкретем (вместо *тѣломъ бяше красенъ* – *тѣмъ бяше красенъ*, вместо *крѣпкѣ тѣльмъ* – *свѣтятся царьскы, крѣпко*), что нивелирует первоначальное значение эстетической оценки. Ср.: (юго-западная редакция) «*тѣломъ бысть красенъ ... круглымъ лицемъ ... весель умомъ*»; (северо-западная редакция) «*взоромъ свѣтель ... круглымъ лицемъ*»; (краткая редакция) «*тѣмъ бяше красенъ ... лицемъ кругломъ ... весель лицемъ ... свѣтятся царьскы, крѣпко*» [Серебрянский 1915: 96–97; Абрамович 1916: 181; Бугославский 1928: 69].

В поздних редакциях присутствуют изменения, не связанные с нивелировкой значения эстетической оценки, но приводящие к возникновению вариантов

выражающих эстетическую оценку единиц на различных языковых уровнях. Так, например, наблюдаются варианты единиц эстетической оценки на лексико-семантическом уровне (*очима добраама / очима свѣтлыма / веселыма очима*), на морфологическом и лексико-семантическом уровнях (*свѣтятся цесарьскы / свѣтятся царски / свѣтеть красотою*). Ср.: (основная редакция) «*очима добраама ... свѣтятся цесарьскы*»; (юго-западная редакция) «*очима свѣтлыма ... свѣтеть красотою*»; (северо-западная редакция) «*веселыма очима ... свѣтятся царски*»; (краткая редакция) «*очима добраама ... свѣтятся царьскыи*» [Сказ. Бор. Гл.: 302; Серебрянский 1915: 96; Абрамович 1916: 181].

Применение текстологического метода возможно также при сопоставлении переводного текста с оригиналом.

Переводной текст повести «Девгениево деяние» относительно точно передает описание первоисточника – византийской поэмы «Дигенис Акрит». Ср.:

(портрет Дигениса – **византийская поэма**, перевод А.Я. Сыркина) *Εἶχε γὰρ ὁ νεώτερος πανθαύμαστος ἑκεῖνος κόμην ξανθὴν, ὑπόσγουρου, καὶ ὀμμάτα μεγάλα, πρόσωπον ἀσπρόν, ροδινόν, κατὰαυρα ὀφρυδία, στήθος ὡς κρυστάλλον κρούο ὀρυσίαν ἔχον μήκος* – И впрямь чудесным юноша сложеньем отличался, с кудрями русыми он был и с черными бровями, как розовый цветок, лицо, глаза на нем большие, и в сажень шириною грудь, подобная кристаллу – (портрет Девгения – **древнерусская повесть**) *Бе бо юноша возрастомъ велми лепъ паче меры, а власы имуще кудрявы и очи вели гораздны. На нь зрети – лице же его, яко снегъ, и румяно, яко червецъ, брови же черны имяше, перси жь его сажени шире* [Сперанский 1922: 40; Диген. Акрит: 45; Девг. деян.: 44].

В древнерусском словесном ряду, с одной стороны, присутствует увеличение количества единиц эстетической оценки, так как добавляется отсутствующее в византийской поэме сравнение (*яко снегъ*), с другой стороны, наблюдается уменьшение количества выражающих эстетическую оценку единиц за счет удаления греческого сравнения (*подобная кристаллу* [Диген. Акрит: 195]). Кроме того, фиксируется варьирование на лексико-семантическом уровне, так как греческая синтагма-сравнение заменена русской (*как розовый цветок, лицо / лице ... румяно, яко червецъ* – ‘красный цвет, красное поле в ткани, драгоценная ткань пурпурового цвета, название драгоценного камня’ [Срезн. 3: 1558]).

Во второй редакции повести «Девгениево деяние», в Титовском списке, в выражающие эстетическую оценку словесные ряды добавляются, вероятно, под воздействием устного былинного эпоса через посредство богатырской повести («Сказания о семи богатырях» [Кузьмина 1962: 109]) дополнительные синтагмы, отсутствующие в первоначальной редакции. Ср.:

(2-ая редакция) Сам же юноша **красен вельми**, лицо же его бело, аки снег, а румяно аки маковый цвет, **власы же на нем красны, аки злато чисто**, очи же его вельми велики, **пристрашно зрети на него** [Кузьмина 1962: 353].

В Погодинском списке второй редакции добавлено также «... *очи же вельми велики ако чашы, пристрашно зрети на него*» [Пыпин 1857: 326].

Кроме увеличения протяженности словесного ряда, наблюдается изменение на лексико-семантическом уровне синкретемы-сравнения, ср.: (1-ая редакция) «лице ... румяно, яко червецъ» / «лицо ... румяно аки маковый цвет».

Второй метод изучения исторической семантики слова условно назван нами **корнесловным**. Данный метод, находящийся на пересечении традиционных методов *семантических полей* (*парадигматических* – М.М. Покровский, Й. Трир, О. Духачек, Х. Геккелер, С.Д. Кацнельсон; *функционально-семантических* – Ф. Брюно, О. Есперсен, Л. Вайсгербер, Х. Бринкманн, В.Г. Адмони, М.М. Гухман, А.В. Бондарко), *метода описания лексики по группам* (*тематическим* – Н.И. Толстой, Ф.П. Сороколетов, Г.В. Судаков, Г.Н. Лукина; *лексико-семантическим* – Ф.П. Филин, Н.Г. Михайловская, К.В. Смолина, Л.П. Клименко) и *метода словообразовательного анализа гнезда* (Г.О. Винокур, Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов), чаще всего имплицитно используется в диахронических исследованиях [Виноградов 1953; Этерлей 1975; Батожок 1979; Генералова 1998; Цейтлин 1996: 4] и представляет собой (на нашем материале) описание семантики анализируемых слов по межчастеречным группам, которые объединены восходящими к общему этимону корневыми морфемами.

От традиционных лексико-семантических методов корнесловный метод отличается тем, что компоненты анализируемых корневых групп связаны не семантической, а генетической аттракцией (семантический инвариант заложен в синкретизме этимона), а от метода словообразовательного анализа/гнезда – тем, что его задачей является не выявление мотивированности (производности/непроизводности), а экспликация семантического развития этимона, которое, как в капле воды, отражает семантическое изменение лексической системы в целом (*от части – к целому*).

Представим данный метод на примере выражающей эстетическую оценку корневой группа этимона **крас-**. Образованные от данного этимона производные слова (прилагательные *красьныи*, *прѣкрасьныи*, существительные *краса*, *красота*, глагольные формы *красити*, *украсити*, *красити ся*, *красовати ся* и наречия *красьно*, *красьнѣк*), в контексте (на синтагматическом уровне) выражают частнооценочные значения сублимированного типа, связанные с удовлетворением чувства прекрасного.

В большинстве случаев сохраняющие значение этимона **крас-** производные слова выражают эстетическую оценку внешности человека. Например:

Отъврати очи свои отъ жены **красьныи**. И не глядаи чюжея доброты (εὐμόρφου). Изб 1076, 175; Жены ради Иосифъ **прекрасны** въ темницѣ затворень бысть. Сл. Дан. Зат.; и всѣ(х) [жен] **красоту** възложить на едину. та будетъ ему жена. ЛЛ 1377, 27об. (986); о растящи(х) власы. и **кра(с)щи(х)ся** ими. КР 1284, 269г; моужь оунъ бывъ верьстою **красоуяся** тѣломь... Пр 1383, 127г; преложил бо ся баше образа оно(г) перваго и **кр(а)сно** цвѣтушиа оуности. ЖВИ XIV–XV, 129г [Срезн. 1: 1315, 1316, 1318; 2: 1656; СлДРЯ 4: 284–286, 290; СлРЯ 8: 15, 19–20; 18: 252]¹.

¹ Здесь и далее сохраняются сокращения, применяемые в словарях.

Кроме того, *красьнии, красота, красити* и *красьно* в сочетании с лексическими единицами, связанными с процессом пения (*пѣннѣ, пѣснь, гласы, поющии*) и говорения (*словеса*), на синтагматическом уровне выражают значение эстетической оценки статичного или динамичного признака/свойства, воспринимаемых на слух. Например: ('благозвучный, стройный; сопровождающийся вокальными украшениями') «[Птицы] *различними гласы поюще пѣсни красные*». Шестоднев Ио. екз., 5. 1263 г.; ('благозвучие, стройность') «*красота бо пѣннѣ чадѣо мирьскыхъ есть. того ради и собираются людие въ ѿрквь*». ПНЧ 1296, 124; ('красноречие') «*красотою словесъ. скверну скрывающу смрадныя и(х) вѣкры*». ЖВИ XIV–XV, 116г; ('благозвучно, стройно') «*и с небрѣженемъ. и лѣкнѣстю. и к красно поющая разоумѣють*». ПНЧ 1296, 123 [Срезн. 1: 1316, 1318; СлДРЯ 4: 285, 288, 290, 292; СлРЯ 8: 20, 23].

Красьнии, прѣкрасьнии, красота и красьно в сочетании с предметными существительными (*стѣны, домове, вѣнецъ, церковь, храмъ* и др.) и с глагольными формами (*украси, устроень* и под.) на синтагматическом уровне выражают эстетическую оценку объектов, созданных руками человека. Например: ('красивый, богато украшенный, красиво отделанный, разубранный') «*къде бо ихъ жития и слава мира сего ... и домове красьнии и велици. и имѣния многа*». СкБГ XII, 9г; «*Велми бо печашеся о создани прѣкрасныхъ Божиихъ церквий*». Лавр. лет. 6726 г.; ('украшение, предмет украшения'; 'украсить') «*Домъ Бѣжи великии стѣя Его прѣд(р)ти създа ..., юже съ всякою красотою оукраси*». Илар. Зак. Благ. (Сбор. 1414 г., л. 77); ('красиво') «*яко же бѣ нѣкто до(м) видѣвъ красно и прехитро оустроень...*» ЖВИ XIV–XV 65г [Срезн. 1: 1318; 2: 1656; 3: 1185; СлДРЯ 4: 288, 290, 292; СлРЯ 8: 17, 20, 23; 18: 252].

Прилагательное *красьнии* выражает эстетическую оценку в сочетании с существительными, обозначающими «земные» артефакты материального мира (*плоды, садъ, дубъ, цвѣты, дерева* и под.), а элатив *прѣкрасьнии* и существительное *красота* (*краса* не фиксируется в аналогичных контекстах) выражают подобную оценку при помощи прилагательных, указывающих на принадлежность свойства прекрасного «небесно-божественным» объектам (*звѣздьнии, небеснии, Господня* и др.). Например: ('роскошный, пышный, зрелый, цветущий') «*И видѣхъ же ины ограды: яже бяхоу обрасли отъ горы до долоу. плоды добровоньными и красьными*». Изб 1076, 269об.–270; ('дивный') «*Днѣъ [земля] ликуеть, новое бо нѣбо видѣ(ла) есть, бѣжие прѣкрасьное порождение*». Мин. сент., 066. 1096 г.; ('блестящее, великолепное зрелище') «*Егда же възриши нощью на звѣздьную красоту* (πρός τά ... κάλλη). Изб 1076, 264об. [СлДРЯ 4: 287, 292; СлРЯ 18: 252].

Прилагательное *красивъ*, образованное от глагола **krasiti* при помощи суффикса *(i)въ (ЭССЯ 12: 100), в исторических словарях фиксируется всего дважды (в памятниках XIV в. и XVII в.), причем оба раза – в значении эстетической оценки, которая выражается не только на синтагматическом, но и на эпидигматическом уровнях. Ср.: ('красивый, богато украшенный') «*Бяше же злоустъ неправъ дѣлы красивъ ризами и нравы же нелѣпъ*».

Пролог (БАН), 130. XIV в.; ('красивый') «Горы высокие и **красиво** мѣсто». Спафарий, Сибирь, 35. 1675 г. [СлДРЯ 4: 285; СлРЯ 8: 15].

Существительные на *-ение* (*крашение, у-крашение, прѣ-у-крашение*), а также на *-ба* (*красьба*) на эпидигматическом уровне обозначают действие по глаголу *красити* ('украшение, изукрашивание'): «*юже бо ризнаго оукрашения искати. равн(о) есть женьскомуу крашению*». КР 1284, 196в; «*Премѣныхся напрасно от оного преоукрашения въ безкрасіе*». Жит. Стеф. Перм. 757; «*На красьбу ризѣ звоньця*». Мин. Пут. XI в. 70 [Срезн. 1: 1317; 2: 1710; 3: 1187; СлДРЯ 4: 294; СлРЯ 8: 24].

Существительное на *-тель* (*краситель*) имеет значение действующего лица – 'кто украшает кого-что-л.': «*Крѣс(т) правѣдникомъ неблаженне и грѣшникомъ покаяние и живущимъ краситель право и старьцемъ жизнь утверждена*». (Явл. креста) Усп. сб., 167. XII–XIII вв.; «*Горе вамъ ... ризамъ красители, а не книгамъ*». Паис. сб., 76. XIV–XV вв. [Срезн. 1: 1315; СлРЯ 8: 16].

Сложные прилагательные *красьнолицыи, красьнообразныи*, образованные путем сложения (**krasъnъ* и **likъ, lice*; **krasъnъ* и **obraz* – ЭССЯ 12: 108), выражают мелиоративную оценку внешности: «*Слнцеобразнаа краснолицаа! тебѣ подобаетъ ѣрство и доброта Афродитства*». ВМЧ, Ноябрь 23–25, 3929. XVI в.; «*Се паки яко отъ узькия страны краснообразнаго оного лика духъ нача дыхати другый, велми добры воня имѣя сласть*». (Жит. Андр. Юрод.) ВМЧ, Окт. 1–3, 103. XVI в.~XII в. [Срезн. 1: 1317–1318; СлРЯ 8: 18].

Глагольные формы с префиксами *у-* и *прѣ-* (от глаголов *у-крашати, прѣ-у-красити*) выражают значения 'украшать', 'придавать красоту', 'заботиться об украшении', 'быть украшенным' и под. Например: «*Весна оубо украшаетъ цвѣты землю*». Сл. Дан. Зат. 232; «*Церкви украшая и попы и нищя любя*». Псков. I л. 6780 г.; «*Образъ женьскыи преоукрашенъ*». Пчел. И. Публ. б. л. 43 [Срезн. 2: 1709–1710; 3: 1187].

Сложные слова (*крас-о-нѣвныи, крас-о-гласование*), а также страдательное причастие прошедшего времени от глагола *прѣ-украсити* (в сочетании с существительным *слово*), выражают ценностный признак, воспринимаемый на слух. Ср.: ('благозвучие') «*Дѣвѣ новое мѣсто ир(с)тво оустроивъ, Ирсалимъ наре(ч), еже есть сказаемое гора Мироу, Иер(с)лмъ же, въ Елинское преложимъ, наре(ч)нъ бы(с) красногласования ради*» (διά τήν καλλφωνίαν). ГА XIII–XIV, 111а; ('хорошо, звучно стрекочущий, о цикаде, кузнечике') «*Красонѣвныи изокъ*». (Конст. Болг. поуч.) Оп. II (2), 425. XIII в.; ('красно-речивый') «*Преоукрашенымъ словѣмъ и единѣмъ разумѣмъ на искоушение отлоучистеся моукъ, раны приемлоуце зѣло*». Мин. 1096 г. (сент.) л. 114 [Срезн. 1: 1316, 1318; 2: 1710; СлДРЯ 4: 286; СлРЯ 8: 22–23]. В единичном контексте в подобном значении используется существительное *красованье*: ('благозвучие') «*праздни(к) пасху нарекоша. Претвориша гла(с). прело(ж)ше фертъ на покои. а како на хѣрѣ. и тако красованья ради обычаи оутвердися*». ГБ XIV, 60а [СлДРЯ 4: 285].

Наречие с приставками *прѣ-* и *у-* (*прѣ-у-крашено*) обозначает мелиоративный признак действия, например: «*Оуставы ѿчьскими оутвърдилъ еси, моудре, цркъвь, щцнства же и блгоуткнля преоукрашено съхранилъ еси*». Мин. 1097 г. л. 73 [Срезн. 2: 1710].

Производные слова с приставками *без-* и *не-* (прилагательные *без-красень*, *не-красьнии*, существительные *бес-красие*, *не-красота*) отрицают положительный оценочный признак/свойство, выражая пейоративное оценочное значение. Например: («отсутствие красивого, некрасивый») «*не искапаш(а) горы сладости. до послѣди праведны(м). но бескрасни быша и беществованы*» (ἀλεκοσμήθη). ГБ XIV, 116в; «*Небонъ иже зль въ иномъ языцѣ красень, то въ друзѣмъ некрасьнь*». Ио. екз. Бог., 15. XII–XIII вв.; («отсутствие красоты») «*Отемля некрасоту въсячьскоую идолослужения*». Мин. 1096 г. (сент.) л. 127; «*Увы мнѣ, како премѣних ся премѣнениемъ жалостнымъ, како премѣнихся напрасно от оного преукрашения въ безкрасие*». Жит. Стеф. Перм. Епиф., 95. XV–XVI вв.~ XV в. [Срезн. 2: 391–392; СлДРЯ 1: 125; СлРЯ 1: 152; 11: 156]. Глагол с приставкой *отъ-* (*отъ-краситися*), обозначая переход из одного состояния в другое, указывает на утрату/исчезновение/отсутствие свойства красивого: «*Открасися доброта*» (ἀλεκοσμήθη τό κάλλος). Гр. Нис. О Мел. Мин. чет. Февр. 125. XV в. [Срезн. 2: 790–791; СлРЯ 13: 251; Дворец. 1: 61–67].

Существительное *не-у-крашение* и прилагательное *не-у-крашении* фиксируются в переводных текстах на месте греческого *ἀ-κοσμία* «неупорядоченность, беспорядочность, беспорядок, смятение» и *ἀ-катаσκευος* «неподготовленный, безыскусственный», выражая отсутствие положительного свойства вообще. Ср.: «*Не хвалю бо азъ неукрашения, ни безъчиния, еже въ васъ*» (ἀκοσμίαν). Гр. Наз., 35. XI в.; «*Истина непосивна и неукрашена зѣло*» (ἀκατάσκευος). Хрон. Г. Амарт., 28. XIII–XIV вв.~XI в. [Срезн. 2: 437; СлРЯ 11: 333; Дворец. 1: 61, 67].

Являющиеся кальками греческого существительного *φιλοκοσμία* сложные слова с корнем *люб-* (*крас-о-любие*, *крас-о-любье*, *красн-о-любие*) в значении «любовь к украшениям, щегольство» используются только в пейоративных оценочных контекстах. Ср.: «*сребролюбие, корень всемоу злоу. красолюбие. тѣщеславие. любославье. самолюбье*» (φιλοκοσμία). СбТр XII / XIII, 101 об.; «*плотолубье. краснолюбие. смѣси. развращения. дерзновения. в нихъ же помысли бывають в насъ*» (φιλοκοσμία). ФСт XIV, 10а [Срезн. 1: 1316; СлДРЯ 4: 286, 290; СлРЯ 8: 22].

Производные слова с корнем *крас-* отражают этимон, эксплицируя в древнерусских переводных и оригинальных памятниках XI–XIV вв. аксиологические таксономии, накладывающиеся на дескриптивное содержание оцениваемых объектов. Например:

Красьна есть милостини въ врѣмя ск<ъ>рби. яко же и облаци дъждевннии въ время ведра (φραίον). Изб 1076, 165об.–166; От корени злаго прозябе плодъ **прекрасень** (φραϊότατος). Хрон. Г. Амарт., 90. XIII–XIV вв.~XI в.; идѣте на оученье свое. отверзите

очи оумннн свои. и покажите свѣтлость доброты вашей. **красоту** желанья своего (τήν ώραίότητα). ФСт XIV 150 в-г; Смѣрание оуму въ лѣпоту **оукрасите** (ἐυκομβώσασθε). Апост. толк. XVI в. Петр. 1. V. 5; Нынѣ слнце **красуяся** к высотѣ вьсходитъ, и радуяся землю огрѣваетъ. КТур XII сп. XIV. 20; Коль есть **красьно** сѣдинамъ соудъ и старьцемъ (ὡς ώραίον πολλαῖς κρίσις). Изб 1076, 84 об. [СлДРЯ 4: 284–286, 290, 292–293; СлРЯ 8: 15, 16, 17, 20, 22, 23; 18: 252; Срезн. 1: 1315, 1316, 1318; 3: 1185].

Сохраняющие синкретизм этимона производные слова (*красьныи, краса, красота, красити ся, красовати ся*) выражают также частнооценочные значения сенсорно-психологического типа: статичный или динамичный признак/свойство мелиоративного эмоционального состояния (поскольку душевное состояние замыкается на самом субъекте, это значение могли выражать только глаголы, употребляющиеся с энклитической формой возвратного местоимения). Например: (‘радостный’) *«прельсти мя покушаяся лъстивыми словесы и лишиши **краснаго** сего веселья и н(а)слаженья. и чужему служити бѣу»*. ЖВИ XIV–XV, 50б; (‘доставляющий радость, удовольствие’) *«погубить м(о)литвѣною **красоту** помнѣние гнѣвное»*. Изб 1076, 56; *«Кѣто не увидѣвъ якоже достоино видѣти **красу** ѣню»* (τήν θερμότητα). Гр. Наз., 165. XI в.; (‘радоваться, веселиться’) *«и толикомоу дѣшу наслажая. нѣ единѣ праздѣноюя яко же лѣпо възбѣра оучения. тѣми и оумъ си **крашяше**»* (ἐτέρπε). ЖФСт XII, 38об.; *«нынѣ же възвышае(т) вью конь величавъ ... и путо прервавъ пере(т) по полю. и по река(м) **красуется**»*. ГБ XIV, 82в [Срезн. 1: 1315, 1316, 1318; СлДРЯ: 284–285, 287, 291; СлРЯ 8: 15, 20, 23].

Фактически все сохраняющие значение этимона производные слова (кроме *краса* и *красовати ся*) выражают частную оценку сублимированного типа: статичный или динамичный признак/свойство положительного нравственного чувства). Например: (‘достойный, добродетельный, соответствующий нравственному идеалу’) *«подобает же еп(с)поу непорочноу быти. трезвеникоу цѣломудрьноу. **красну**»*. ПНЧ XIV, 93г; (‘достоинство, добродетель’) *«нѣ паче намъ си духовная **красота**, праздѣници стѣши, веселяще вѣкрныхъ ср(д)ца, и дѣша освящающе»*. КТур XII сп. XIV, 25; (‘придать достоинство, быть добродетельным’) *«самъ же иерѣки наоучая, тако подобаетъ дѣшу **красити** и въ добродѣтельныя **красоты** одѣти»* (ώραίξειν). ГА XIII–XIV, 28в; *«и все въ свою дѣшу собра(в). единая добродѣтели обра(з) извѣсти. различными добротами **красяся**»*. ГБ XIV, 179б [Срезн. 1: 1315, 1316, 1318; СлДРЯ 4: 284–285, 287, 291; СлРЯ 8: 15, 20, 23; 18: 252].

Глагольные формы *красити, красити ся, украсити*, начиная с XIII–XIV вв., выражают значения дескриптивного типа, не связанные с ценностным отношением и ориентированные на отражение элементов действительности: ‘красить, окрашивать что-л.’, ‘подкрашивать себе лицо, волосы’, ‘выкрасить, раскрасить’ и под. Например: *«юже оны хытростию ств(а)ряють. чюжсимъ цвѣткомъ ланитѣ и власы свою помазающе и **красяще**»*. КР 1284, 196в; *«сбирающа бо ся жены къ цркви да **красять(с)**. да прелстятъ блудники»*. ПрЮр

XIV, 263в; «Алимпии шаровными вапы лице прокаженному **украси**». Полик. Посл. [Срезн. 3: 1185, СлДРЯ 4: 285].

Прилагательное *красьными* начинает выражать значение дескриптивного типа только с XIV–XVI вв. Исследователи приводят следующие примеры наиболее ранних случаев использования *красьными* в цветовом значении. Ср.: (Хождение Стефана Новгородца 1347 г.) «[столп] ... **вельми красен**, **есть прочернь и пробѣл(ь)**, **видом аки дятлень**» (т.е. похожий расцветкой на дятла) [Суровцева, 1970: 97–98]; (Софийский временник 1476 г.) «[О поѣздѣ великого князя в Великий Новгородъ] (1476) **от Владыки две бочки вина, красно**го **едина, а бѣлого другаа, а отъ тѣхъ ото всѣхъ по мѣху вина**» [Нерне, 1954: 53]; (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом 1515 г.) «**и мы тебѣ пожаловали, птицу красную к тебѣ послали, чеглигъ кречатеи**» [Иссерлин, 1951: 86] и др.

Сложные слова *красотописъць* и *красьноочървлении*, образованные путем калькирования греческих терминов, выражают значения дескриптивного типа. Например: («космограф, «описатель мира») «**о немъ же оубо рещи и великьи Анастасии бия града: глѣть истовии всея вселенья красотописци**» (οἰ...κοσμογράφου) ГА XIII–XIV, 117а–б.; («окрашенный в пурпурный цвет») «**и елико възискаючи(х) тѣхъ. ризь добрыхъ. и того себе требующих. красьноочървленихъ. и многоверховнихъ. высоки(х) куколевъ**» (κοκκόβαφου). ФСт XIV, 10а [СлДРЯ 4: 288, 290; СлРЯ 8: 23].

Таким образом, восстановленная при помощи **текстологического метода** история развития лексико-семантических единиц демонстрирует изменения, связанные с общими тенденциями упорядочения в тексте элементов языка (экстенсивность/интенсивность формы выражения, языковая модификация – увеличение/уменьшение протяженности, варьирование на всех языковых уровнях), которые приводят к постепенной трансформации формы выражения и/или синкретичного значения исходной синкретемы, формулы, словесного ряда. **Корнесловный метод** позволяет выявить процесс трансформации этимона-инварианта, в результате которого за отдельным производным словом постепенно закрепляется тот или иной компонент первоначально синкретичного значения, поэтому данные производные единицы выражают, начиная с XIV–XV вв., значения эстетической оценки признаков предмета (явления, процесса, состояния), воспринимаемых различными органами чувств (зрительно, на слух, при помощи обоняния) вне контекста, то есть не только на синтагматическом, но и на эпидигматическом уровне.

Литература

- Herne G., 1954, *Die Slavischen Farbebenennungen: Eine semasiologisch-etymologische Untersuchung*, Uppsala.
- Абрамович Д.И., 1916, *Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им*, Петроград.
- Адрианова-Перетц В.П., 1947, *Очерки поэтического стиля древней Руси*, Москва–Ленинград: Наука.
- Батожок Н.И., 1979, *История развития значений исходных рефлексов корня -lik в праславянском и русском языках*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Ленинград.
- Бахилина Н.Б., 1975, *История цветообозначений в русском языке*, Москва: Наука.
- Бородина М.А., Гак В.Г., 1979, *К типологии и методике историко-семантических исследований*, Ленинград: Наука.
- Бугославский С.А., 1928, *Украино-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Глеба*, Киев.
- Васильев Л.М., 1997, *Методы современной лингвистики*, Уфа: Издательство Башкирского университета.
- Генералова Е.В., 1998, *Лексическое выражение понятийной оппозиции «прямое – кривое» в истории русского языка*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Санкт-Петербург.
- Иссерлин Е.М., 1951, История слова красный, *Русский язык в школе*, № 3, с. 85–89.
- Колесов В.В., 1989, *Древнерусский литературный язык*, Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Комарович В.Л., 1945, Литература Рязанского княжества XIII–XIV вв. [в:] *История русской литературы*, Москва–Ленинград: Наука.
- Кузьмина В.Д., 1962, *Девгениево деяние*, Москва: Наука.
- Лихачев Д.С., 1971, *Поэтика древнерусской литературы*, Ленинград: Наука.
- Лихачев Д.С., 1983, *Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв.*, Ленинград: Издательство Наука.
- Пименова М. Вас., 2007, *Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте*, Санкт-Петербург–Владимир: Издательство Санкт-Петербургского университета и Владимирского педагогического университета.
- Пыпин А.Н., 1857, *Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских*, Санкт-Петербург.
- Серебрянский Н., 1915, *Древнерусские княжеские жития: обзор редакций и тексты*, Москва.
- Смолина К.П., 1990, *Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв.*, Москва: Наука.
- Сперанский М.Н., 1922, Девгениево деяние, Сб. ОРЯС, 99, № 7, с. 3–165.
- Суровцева М.А., 1970, Развитие цветового значения слова красный, *Русский язык в школе*, № 3, с. 97–100.
- Тарланов З.К., 1995, *Методы и принципы лингвистического анализа*, Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета.
- Этерлей Е.Н., 1975, О семантике слов с корнем яр- [в:] Ф.П. Сороколетов (ред.), *Диалектная лексика*, Ленинград: Наука.
- Цейтлин Р.М., 1996, *Сравнительная лексикология славянских языков X/XI – XIV/XV вв. Проблемы и методы*, Москва: Наука.

Сокращения источников

- Дворец. – Дворецкий И.Х., 1958, *Древнегреческо-русский словарь*, Москва.
- Девг. деян. – Девгениево деяние, 1981 [в:] ПЛДР, XIII век. Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова, Москва: Художественная литература, с. 28–65.
- Диген. Акрит – Дигенис Акрит, 1994. Подгот. текста, пер., статьи и коммент. А.Я. Сыркина (Литературные памятники), Москва–Ленинград: Наука.
- Домостр. – Домострой, 1985 [в:] ПЛДР, сер. XVI в. Подгот. текста, пер. и коммент. В.В. Колесова, Москва: Художественная литература, с. 70–173.
- Жит. Дм. Донск. – Житие Дмитрия Донского, 1981 [в:] ПЛДР, XIV – середина XV века. Подгот. текста, пер. и коммент. М.А. Салминой, Москва: Художественная литература, с. 208–229.
- Казан. ист. – Казанская история, 1985 [в:] ПЛДР, середина XVI века. Подгот. текста и пер. Т.Ф. Волковой, Москва: Художественная литература, с. 300–565.
- МДЗ – Иссерлин Е.М. (ред.), 1981 *Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника*, Ленинград: Наука.
- Молен. Дан. Заточн. – «Моление» Даниила Заточника, 1980 [в:] ПЛДР, XII век. Подгот. текста Д.С. Лихачева, Москва: Художественная литература, с. 388–399.
- ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси, 1979–1994, Москва: Художественная литература.
- Пов. Зараз. – Лихачев Д.С., 1949, Повести о Николе Заразском [в:] *Труды отдела древнерусской литературы*, 7, Москва–Ленинград, с. 257–406.
- Притч. – Притчи Соломона, 1992 [в:] *Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета*, Москва: Наука, с. 596–618.
- ПСРЛ – *Полное собрание русских летописей*, 1962, 2 т., Москва: Наука.
- Сказ. Бор. Гл. – Сказание о Борисе и Глебе, 1978 [в:] ПЛДР, XI – начало XII века. Подгот. текста, пер. и коммент. Л.А. Дмитриева, Москва: Художественная литература, с. 278–303.
- СлДРЯ – *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, 1988–2004, РАН. Институт русского языка. Гл. ред. Р.И. Аванесов (т. 1–4); И.С. Улуханов (т. 5–6); В.Б. Крысько (т. 7), Москва: Русский язык.
- Сл. жен. – Слова о добрых и злых женах, 1897 [в:] *Памятники*, 3. Подгот. текста и коммент. А.И. Пономарева, Санкт-Петербург, с. 304–310.
- Сл. жен. добр. злых – Каган-Тарковская М.Д., 1976, «Слово о женах о добрых и о злых» в сборнике Ефросина [в:] В.Г. Базанов (ред.), *Культурное наследие Древней Руси*, Москва: Наука, с. 382–386.
- СлРЯ – *Словарь русского языка XI–XVIII вв.*, 1975–2002, РАН. Институт русского языка. Гл. ред. С.Г. Бархударов (вып. 1–6); Ф.П. Филин (вып. 7–10); Д.Н. Шмелев (вып. 11–14); Г.А. Богатова (вып. 15–23); В.Б. Крысько (вып. 24–26), Москва: Наука.
- Срезн. – Срезневский И.И., 2003, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, Москва: Знак.
- ЭССЯ – Трубачев О.Н. (ред.), 1974–2009, *Этимологический словарь русского языка*, вып. 1–35, Москва: Наука.